

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
И93

伊藤計劃
Project Itoh
虐殺器官
GYAKUSATSU KIKAN

Печатается с разрешения Hayakawa Publishing Corporation.

Перевод с японского *Елены Старостиной*

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Ито, Кэйкаку.

И93 Орган геноцида : роман / Кэйкаку Ито; перевод с японского Елены Старостиной. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Хиты Японии. Аниме).

ISBN 978-5-17-159610-1

Мир погрузился в смуту, когда самодельное ядерное оружие клочок за клочком уничтожало плодородные земли. Некогда ведущие демократические государства установили наблюдение и тотальный контроль за каждым гражданином. Наступила эпоха террора, ознаменовавшая гибель привычного всем уклада жизни. По всей планете разгорелись войны, положив начало страшному и бесчеловечному геноциду.

Во время мора, бесконечного цикла насилия и вопроса: «Кто же всему виной?» появился первый подозреваемый — таинственный американец Джон Пол. Возможно ли усилиями одного человека разрушить всю мировую систему? Чтобы это выяснить, столь сложную миссию возложили на плечи агента разведки — капитана Клевиса Шеперда. Ему предстояло не просто выследить оставшихся в руинах былой цивилизации Джона Пола, но и найти истинное сердце катастрофы — орган геноцида.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-159610-1

Copyright © 2007 Project Itoh

All rights reserved.

Cover Illustration

© Project Itoh / GENOCIDAL ORGAN

Original Japanese edition published by Hayakawa Publishing Corporation.

This Russian language edition is published by arrangement with Hayakawa Publishing Corporation.

© Старостина Е.Ю., перевод на русский язык, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Если верить странным вычислениям в ведических
текстах, то в человеческом языке, присовокупленном
к божественной речи, представлено всего-то около четверти
от общего числа слов.*

Паскаль Киньяр, «Ненависть к музыке»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В глубокую колею от шин грузовика впечаталась личиком маленькая девочка.

Как будто Алиса решила отправиться в Страну Чудес, вход в которую скрывался в грязи под колесами, только в затылке у нее пышно расцвел алый цветок, а содержимое черепной коробки проветривалось на свежем воздухе.

В десяти футах от нее лежал еще один ребенок, на этот раз мальчик. Снаряды вгрызлись в тельце со спины, а вылетели, видимо, в районе пупка. Кишки из разорванной брюшной полости пару часов назад оросило дождем, поэтому они поблескивали розовыми стенками. Из приоткрытого рта очаровательно выглядывали зубки. Как будто мальчик что-то говорил напоследок.

За прорытой в грязи колеей располагалась деревенька где-то в двадцать домов.

В центре вырыли яму, и в ней дымились продырявленные и скрюченные тела. Пахло горелым мясом, жжеными волосами. Мышцы под действием жара сократились, так что трупы скрутило в позу эмбриона. Кости не выдерживали такого сокращения мышц и ломались, конечности сгибались

Кэйкакү Ито

там, где не было никаких сочленений, переплетались друг с другом, как паутина в паучьем гнезде.

Все умирают.

И все умерли. За дверью лежала моя мать. Похоронное агентство, как того требовал закон города Вашингтона, обеспечило все условия, чтобы тело не тронуло разложение. Бальзамировщик придавал лицу должный вид, накладывал один слой макияжа за другим, чтобы оно казалось застывшим в фальшивом подобии вечного покоя.

— Ну-ка оглянись. Смотри, как уходят мертвые, — сказала мать, и я обернулся. Позади расстился огромный мир, и покойники махали мне руками и улыбались. Все, кого похоронили люди с тех пор, как научились проводить этот обряд для собратьев. Кто-то сохранил прежний облик, а кого-то серьезно потрепало. Понятия не имею, как я определил, что безголовый труп тоже улыбается, но все же он явно улыбался и скучающе теребил вывалившиеся из живота кишки.

— Все умирают, правда? — спросил я, оборачиваясь к умершей матери. Она кивнула, показала на меня пальцем и сказала:

— Да. Вот, взгляни на себя.

Когда я опустил глаза, то увидел, что тело уже потихоньку разлагается, и понял, что умер.

Все, кого покинула жизнь с самого начала времен, превратились в далекую реку и стремились все дальше и дальше.

Я спросил у мамы:

— Это загробный мир?

Она медленно покачала головой. Как всегда делала, когда меня поправляла, еще с раннего детства:

— Нет, мир тот же. Ты в нем жил, как и все мы. Мы в продолжении мира, в котором прошла наша жизнь.

ОРГАН ГЕНОЦИДА

— А, — отозвался я. Стало спокойно, на глаза навернулись слезы. Вдали, среди потока, я заметил несколько знакомых лиц. Вон Бенджамин, который еще маленьким умер от рака, вон отец, который разнес себе голову.

Мама взяла меня за руку и потянула за собой:

— Ну, идем?

Я кивнул, и мы пошли к остальным мертвецам. Она вела меня, прямо как в первый день школы. От теплоты воспоминаний полились слезы, но я не убавил шага. Вот показалась девочка, лицо которой отпечталось в колее от шины, а пуля разнесла затылок. Вот и мальчик, которого пули прошили насквозь, выплеснув ему из живота потроха. И люди, которые горели на дне ямы. Все вместе мы шагали к колонне мертвецов.

Мать погибла от моих слов.

Многие погибли от моих пушек, я выпустил кучу пуль, но мать убил без единого выстрела. Всего лишь сказал короткое «да» и подтвердил его именем. Одно сложилось с другим, и матери не стало.

Я многих убил. В основном из огнестрела.

Некоторых зарезал, но, если честно, мне так не очень нравится. Коллеги нередко специализируются на холодном оружии. Подкрасться сзади, перерезать горло, затем сухожилия на руках, сжимающих оружие, потом вскрыть бедренную артерию, а напоследок еще пырнуть в сердце — и все это меньше чем за три секунды.

Но я не горю желанием оттачивать такое мастерство, хотя, конечно, применю его, если придется. И, разумеется, уверен, что старый добрый огнестрел мне тоже еще послужит. Потому что как-то утром 2001 года в два нью-йоркских небоскреба влетели на полной скорости самолеты.

С тех самых пор, как в прошлом веке Рейган подписал исполнительный указ 12333, в Соединенных Штатах Америки, по крайней мере официально, запрещено убивать даже самых мерзких отбросов. Чего там говорить: и Пабло Эскобара, наладившего огромный наркотрафик из Южной

ОРГАН ГЕНОЦИДА

Америки в Северную, и бельмо на глазу американской программы по Среднему Востоку, Саддама Хусейна, устранили не напрямую руками правительства.

Правительство связано *словами* Рейгана, Буша и Клинтона, что никто из американских государственных деятелей не должен мараться убийствами. Это не значит, что такие методы исчезли, просто после подписания указа прибегать к крайней мере стало значительно рискованнее. Короче говоря, убийство стало большей морокой, чем официальное вмешательство или конфликт, поэтому спрос на них упал, и теперь подобную услугу заказывают только при гарантии соблюдения строжайшей секретности.

Правда, Штаты, если понадобится, все равно могут себе позволить в любой момент развязать войну по самому надуманному предлогу. К тому же, чем отбиваться от журналистов, которые набрасываются на правительство с критикой за убийство одного человека, куда эффективнее прибить целую толпу, в которой окажется и нужный объект. Помните, кто-то сказал, что смерть одного — трагедия, смерть миллионов — что-то там еще. Оправдать единичное убийство на порядок сложнее, чем массовое. Раньше, по крайней мере, мир жил именно по этому закону.

Однако с того самого памятного дня, когда на нашем материке прозвучали взрывы, гайки несколько ослабили. Об убийствах все еще не принято говорить в открытую, но, во всяком случае, их вновь рассматривают как возможную альтернативу. Во имя борьбы с терроризмом, ради общего человеческого блага и по другим причинам тьма, которую посеял исполнительный указ 12333, постепенно рассеивается.

Так что я стал убийцей. Не специально, просто в нашем ведомстве постепенно вырос спрос на эту работу. Я много чем занимался помимо убийств, но мы, отряд спецрасследований *i*, подчиняемся Командованию специальных операций, которое стоит во главе спецназа всех пяти частей ВС США:

Кэйкакү Ито

армии, военно-воздушных и военно-морских сил, морской пехоты и военной разведки. А вот убийствами занимаемся только мы. В прошлом веке эта задача отчасти лежала еще на «зеленых беретах» и на так называемом спецотряде «Дельта», но с новым витком истории, то есть как раз в наш XXI век, за подобные миссии стали отвечать мы — «змеежоры» из военной разведки. Все, кроме «лурпов» — патруля дальней разведки — и «тюленей», также подчиненных Командованию специальных операций, презрительно называют нас «отделом мокрых дел». Это прозвище приклеилось к убийцам еще со времен холодной войны, и его использовали в своих работах Джон ле Карре и Грэм Грин.

Здесь стоит напомнить о знаменитом постере к «Кэрри». На нем несчастная Сисси Спейсек стоит, облитая с ног до головы свиной кровью: однокласснички постарались. Вот и наша работа (отчасти) по этому же принципу называется «мокрой», с тем нюансом, что мы облиты не свиной кровью, а человеческой. Американский отряд охотников за головами. Вот что такое отряд спецрасследований *i* из состава военной разведки.

Так обстоят дела, и прямо сейчас я лечу в брюхе «летающей водоросли» к следующей цели, а по дороге в очередной раз пробегаю глазами данные.

История жизни следующего объекта, которого мне поручено убить, оставила след на всем: лице этого персонажа, имени, манере движения, структуре семейных отношений, политических взглядах — каждой крупнице информации. В любого спецназовца более-менее вбивают техники психологической оценки. Я хочу сказать, что мы не только с пушками обращаемся профессионально. Вообще-то нам чаще поручают муштровать солдат в странах третьего мира, лечить и образовывать местных жителей в тылу врага, чтобы возвращать семена цивилизации. Для таких задач первостепенны навыки коммуникации — короче говоря, волки-одиночки в специа-

ОРГАН ГЕНОЦИДА

генты не годятся. Подобным, если уж на то пошло, скорее дорога в наемники... Хотя что это я, им тоже часто поручают тактические консультации, так что и там ситуация похожая.

Ребята из отряда спецрасследований *i* должны уметь четко составлять портрет по психологической карте, потому проходят усиленный курс психологии. Оставим в стороне политические риски (впрочем, назовем их проблемами этики), но убийство — это все равно сложная и тонкая задача. Указ 12 333 приняли после цепочки провалов агентов ЦРУ, и теперь уже ясно, что любителю такую работу не поручишь.

Их стиль работы окрестили «военизированными операциями» — что как бы намекало, что ЦРУ просто играли в военные «дочки-матери». Поэтому появился новый тип боевых сил, отряд спецрасследований, выполняющий функции военной разведки и управления спецоперациями. Во многом мы унаследовали дело ЦРУ, став своего рода гибридами между шпионами и солдатами. Разведка в XXI веке требует не столько гражданских, сколько военных навыков. На поле боя обстановка очень подвижна, а весь мир превратился именно что в одну большую арену сражения.

Реальность никогда не соответствует заранее собранным данным. Всегда вылезают неучтенные факторы. От нас требуется, с одной стороны, по возможности снизить их влияние, а с другой, если уж случилась внештатная ситуация, — быстро к ней адаптироваться, в частности, составить модель поведения каждой индивидуальной цели.

Проще говоря, нам нужно ясно представлять себе того, кого вот-вот убьем. Сначала понять этого человека до такой степени, чтобы проникнуться его целями и идеалами, а потом убить. Работенка для самых отъявленных садистов. Идеальный сюжет порнофильма с нацистами в главных ролях. Подобные занятия не оставляют шрамов на нашей психике только благодаря так называемой боевой эмоциональной регуляции. Перед работой в поле мы проходим курс пси-

Кэйкакү Ито

хологических консультаций и нейронного стимулирования, которые регулируют наши чувства и этические установки в соответствии с необходимыми параметрами. Так нам удастся разделить профессиональные обязанности и личные этические воззрения. То, что Оруэлл описал как «двоемыслие», воплотилось в жизнь благодаря развитию технологий.

Поэтому, просматривая данные на нового объекта, размышлял я не о несчастной судьбе будущей жертвы, а о последней, кого я убил. О собственной матери.

Иногда передо мною представала страна мертвых. Она грызла и подтачивала коготочками душу, но отступала, стоило только проснуться.

Я видел ее в разных вариациях.

Чаще всего в такой: искалеченные покойники медленной чередой бредут по бесконечной пустоши. Но иногда передо мной простиралось бескрайнее кладбище, и на каждой могиле сидел ее скучающий обитатель. С тех пор, как не стало матери, я нередко видел абсурдный вариант с больницей, в которой лежат одни мертвецы, и, кстати, такая версия нравилась мне больше всего. Наверное, потому, что перекликалась с моим состоянием сразу после того, как я потерял мать.

Я не только военный и спецназовец, но и профессиональный убийца, а потому трупов повидал немало. Во много раз больше, чем обычный человек за всю жизнь. В тот раз я тоже подчищал лишних людей, причастных к геноциду в одной из стран Центральной Азии. Нам с коллегами из отряда спецрасследований *i* поручили убрать бывшего главу тайной полиции, который призывал к бойне среди мирного населения. Мы проникли на территорию того государства через Афган и поймали злодея в одной деревушке.

Тот мужчина умер. Я всадил ему в голову целый магазин винтовочных патронов. Но подручные уже успели

ОРГАН ГЕНОЦИДА

позаботиться о жителях деревни. Несколько трупов попало на глаза и мне. В размокшей после дождя колее из-под шин грузовика лицом вниз лежала девочка с разможенным черепом. Одного мальчика расстреляли со спины, пули разорвали ему живот, и из него вывалились внутренности. На центральной площади в деревне вырыли яму, скинули туда женщин, облили бензином и подожгли.

И наконец, мужчина, который разыграл весь этот спектакль. Я пристрелил его, и он, точно так же как и убитые по его приказу, у меня на глазах обмяк бесформенной тушей, потеряв над собой управление.

Когда я вернулся от этих образов домой, мать увидали трубки, а жизнь в ней поддерживали лекарства и наномашинны. Врач спросил о целесообразности дальнейшей терапии. На вид казалось, что с матерью все в порядке, ни одного ранения. Совершенно бодрая на вид, она лежала на обеззараженной койке и ждала, не приходя в сознание, моего решения. Казалось, будто она жива, но я знал, что это лишь видимость, которую создают запущенные в организм крохотные работяги-механизмы. Такие же, которые поддерживают нашу боеспособность в случае ранения.

В оглушающей тишине ослепительно белой палаты мне подали согласие на прекращение терапии. Спросили, согласен ли я на остановку мер по поддержанию жизни пациентки. Я ответил: «Да», — и приложил палец к считывателю в качестве подтверждения. Из тела матери, которая так и не пришла и уже больше никогда не придет в себя, вывели наномашинны, и она быстро скончалась.

Впрочем, правда ли она умерла тогда? Разве она не умерла еще до того, как я вынес последнее решение?

Где заканчивается жизнь и начинается смерть? Чем дальше в своих изысканиях заходит медицина, тем больше размывается эта граница. Но человечество за последние полвека научилось закрывать глаза и зажимать уши, откла-

Кэйкакү Ито

дывая решение этого вопроса, как и многих других, на потом. Правда, как и со множеством других явлений человеческой жизни, этот вопрос остается только понять и принять.

Так или иначе, затем мать бальзамировали и аккуратно переложили в гроб. Бальзамирование предписано законом Вашингтона. На этой стадии, понятное дело, человек уже точно мертв.

Так что, получается, на данный момент последняя смерть на моих руках — смерть матери.

— Капитан Шеперд... Капитан Шеперд! — позвали меня, и я проснулся.

Видимо, уснул за чтением материалов. Рефлекторно провел ладонью по лицу, потому что во время визитов в страну мертвых часто потом просыпаюсь с мокрыми щеками. Обрадовался, что провожатый, который пришел меня разбудить, не увидел, как я плачу во сне.

— Просыпайтесь, сбрасываем вас через пятнадцать минут, — объявил он и вышел.

Он не шутил: в последнее время для проникновения на вражескую территорию затажные прыжки с поздним раскрытием парашюта ушли в прошлое, и вместо них по возможности использовали неуловимые для радаров коконы вторжения — высокоскоростные капсулы. Механизмы, похожие на гигантские шариковые ручки с матово черным корпусом, плотными рядами гнездились в грузовом отсеке, и их тщательно осматривали наши снабженцы. Оглядевшись, я заметил, что коллеги уже всю деловито спуют по грузовому отсеку нашей плоской «летающей водоросли».

— Ты, конечно, даешь: уснул на таком корыте! — рассмеялся, подходя ко мне, Уильямс. — Ты хоть в курсе, как нас только что тряхнуло в зоне турбулентности?

— Нет, — ответил я, и Уильямс расхохотался, не веря своим ушам: